

УДК 32.001(470+572)

ПОИСКИ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКОЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ

К.Н.Тарасов

Вятский государственный университет, 610000, г. Киров, ул. Московская, 36
tar-87@mail.ru

Анализируются взгляды ведущих представителей эмигрантского консерватизма (И.А. Ильина, П.Б. Струве, евразийцев) на проблему формирования в России органов народного представительства. Прослеживается влияние революционных событий 1917 г. и политической практики советской России на эволюцию социально-политической доктрины отечественного консерватизма.

Ключевые слова: консерватизм, народное представительство, народовластие, власть и общество, пореволюционная эмиграция.

Одной из важнейших проблем современной России является создание эффективной политической системы, способной успешно решать вставшие перед страной исторические задачи. В связи с этим принципиальным становится вопрос о формировании институтов народного представительства, основные параметры которых остаются дискуссионными [Астафичев, 2006; Глухарева, 2008; Масленникова, 2001; Проблемы..., 1998; Российское народовластие..., 2003]. В этих условиях целесообразно обратиться к изучению идейного наследия отечественной консервативной мысли, представители которой дали исчерпывающий анализ специфики российской государственности.

Предметом исследования неслучайно выбраны взгляды российских консерваторов на проблему создания в России органов народного представительства. Данный аспект социально-политической доктрины отечественного консерватизма изучен мало сравнительно с другими «сюжетами» консервативной мысли, хотя и является одним из центральных в политической программе консерваторов. Кроме этого, вопрос о народном представительстве можно рассматривать в качестве смыслового ядра более широкой проблемы – отношений государства и общества. Её разрешение, по сути, определяло вектор и результаты модернизации российской политической системы, предопределяло выход страны на новый уровень исторического развития. Проблема народного представительства как бы «аккумулировала» в себе подходы консервативных авторов к вопросам сущности и прерогатив монархической власти, возможности участия народа в политической жизни страны, поиска идеологами оптимальных моделей государственного управления, социальной организации, межнациональных и межконфессиональных отношений.

Сегодня постепенно заполняется лакуна в изучении консерватизма пореволюционной эмиграции. Однако взгляды ведущих теоретиков эмигрантского консерватизма анализируются отдельно друг от друга, консервативная мысль пореволюционного периода не исследуется как целостное явление, не проводятся параллели между до- и постреволюционным консерватизмом [Антоненко, 2005; Атмачев, 1999; Базанов, 2004; Жданова, 2009; Кржевов, 2005; Омельченко, 1996; Палкин, 2009; Пашенко, 2003].

В современной историографии российского консерватизма преобладают работы, посвящённые отдельным отечественным консерваторам. При этом ощущается дефицит исследований обобщающего характера, в которых не столько интерпретируются вводимые в научный оборот источники, сколько ставятся и разрешаются проблемы, связанные с осмыслением различных аспектов творческого наследия отечественной консервативной мысли. Отсутствуют и специальные работы, посвящённые проблеме народного представительства как одному из ключевых аспектов консервативного учения.

В статье предпринята попытка заполнить указанный пробел в отечественной историографии консерватизма.

Эмигрантский консерватизм, пребывая вне рамок России, стал значительно менее ангажирован социально и политически, чем консерватизм дореволюционный. Отрыв от конкретной соци-

альной среды и политического режима (тем более рухнувшего) способствовал пересмотру идеологами некоторых краеугольных оснований консервативной доктрины.

Будучи уверенными в неизбежном падении советского строя, консерваторы, тем не менее, не питали иллюзий по поводу восстановления монархии в России¹. Поэтому вопрос о приоритете монархической формы правления над республиканской в трудах консерваторов-эмигрантов не нашёл такого широкого отражения, как в работах консервативных авторов второй половины XIX – начала XX в. Эмигранты утверждали, что после революции наиболее совершенным политическим режимом следует считать тот, при котором каждому гражданину будут обеспечены условия для гармоничного развития. Однако нужно заметить, что из ведущих идеологов эмигрантского консерватизма И.А. Ильин, всё же до конца жизни оставался убеждённым сторонником монархической формы правления, отмечая при этом, что монархия Романовых свой исторический потенциал исчерпала.

Крушение монархии в России сняло проблему обоснования принципов взаимодействия её и общества. Политический режим рухнул, и консерваторы переключились с темы об отношениях власти и общества на вопрос о том, как обществу самому создать новую модель государственности, соответствующую цивилизационным особенностям России. Поэтому во взглядах эмигрантских авторов проблема участия граждан в политической жизни страны получила более глубокое осмысление, чем в работах их дореволюционных предшественников.

Результатом многолетних раздумий и научных изысканий И.А. Ильина стала сформулированная им концепция «органической демократии». «Истинная демократичность» государственного строя, подчёркивал он, должна выражаться в следующих признаках:

- 1) непосредственном участии граждан в органах местного управления и самоуправления;
- 2) способности политической системы обеспечивать отбор лучших (по моральным, интеллектуальным, профессиональным качествам) граждан из всех слоёв населения в политическую и управленческую элиту;
- 3) организации выборов в представительные органы всех уровней таким образом, чтобы представительная система максимально полно учитывала интересы всех социальных групп [Ильин, 2007, с. 175–176].

Социально-политический строй, в котором соблюдались бы названные условия, И.А. Ильин называл «органической» или «творческой» демократией. Она противопоставлялась «формальной» демократии – политической системе западных стран.

В работах идеологов евразийства проблема участия широких народных масс в управлении страной нашла отражение в понятии «демотия». Принцип «демотии» в евразийской трактовке означал тесную взаимосвязь власти и общества через организацию широкого народного представительства [Алексеев, 1998, с. 583–599]. «Демотический строй» евразийцев практически аналогичен «органической демократии» И.А. Ильина. Консерваторы предполагали, что в процессе создания народного представительства должна возникнуть стройная вертикаль органов государственного управления, через которую обеспечивалось бы тесное взаимодействие институтов государства и общества вплоть до их институционального слияния в некоторых аспектах.

В эмиграции либерализм П.Б. Струве постепенно эволюционировал в направлении либерального консерватизма². Однако в данной системе взглядов проблема взаимоотношений власти и общества разрешалась, скорее, в либеральном ключе. П.Б. Струве утверждал, что общество должно быть максимально освобождено от давления государства. Только в этом случае права и свободы личности могут быть обеспечены в полном объёме. Государство мыслилось им в качестве некоего верховного арбитра, стоящего над социальными группами и регулирующего их взаимоотношения, но при этом, насколько это возможно, ограничивающего своё воздействие на социум. Путь к подлинно свободному обществу не лежит через ужесточение политического строя, а основывается на воспитании личной ответственности [Струве, 1997, с. 55]. Наделение граждан избирательными правами, их участие в политической жизни страны через институты народного представительства, местного самоуправления П.Б. Струве считал важнейшим средством обеспечения подлинной свободы и защиты интересов граждан. Однако, отмечал он, в России сложился такой порядок, при котором идея свободы личности была неразрывно связана с началами законности, а значит, и государственности. Поэтому в отличие от европейского либерализма, в котором свобода человека получила статус абсолютной ценности, в России интересы целого (общества и государства) превалировали над личностью [Струве, 1999, с. 624]. А значит, степень проникновения государственного

начала в органы народного представительства в России должна быть несколько больше, чем в странах либеральной демократии³.

Можно констатировать, что в работах И.А. Ильина, евразийцев, отчасти П.Б. Струве получила своё логическое завершение попытка российских консерваторов второй половины XIX – начала XX в. обосновать отсутствие противоречий между государством и обществом. Органы государственного управления, по мысли консерваторов-эмигрантов, должны были стать учреждениями, состоящими из народных избранников, представляющих интересы всех сословий и социальных групп. Граница между представительными органами и властными структурами стиралась. Институты государства и общества как бы сливались в единую систему управления и контроля. В условиях, когда отпала необходимость соотносить свои выводы с конкретным политическим режимом, консервативная мысль подошла к трактовке проблемы отношений государства и общества более объективно.

Вместе с тем важно учесть, что, считая необходимым обеспечить вовлечение в сферу государственного управления максимально большего количества людей, консерваторы осознавали неподготовленность российского социума к участию в политической жизни страны⁴. И в этом вновь проявилась родовая черта консервативной идеологии: в условиях политической пассивности широких слоёв населения объявить движущей силой исторического развития государственную власть, правда, теперь уже в лице сплочённых в правящую группу представителей пореволюционной эмиграции.

В результате, рассматривая развитие народного представительства в качестве главной задачи политической модернизации, консерваторы-эмигранты, как и их дореволюционные предшественники, на практике оставались приверженцами этатизма, неизбежно вступающего в противоречие с принципами народовластия. Так, И.А. Ильин подчёркивал, что воспитывать в массах способность к самоуправлению должна сильная государственная власть [Ильин, 2001, с. 264]. По словам евразийца Н.С. Трубецкого, политическому строю России должен быть присущ «государственный максимализм», определяемый им как «активное и руководящее участие государства в хозяйственной жизни и развитии культуры» [Трубецкой, 2007, с. 583]. При этом обеспечение широкой социальной базы представительства должно было сопровождаться «усиленным огосударствлением общественных организаций» [Трубецкой, 2007, с. 585]. Не случайно один из оппонентов евразийцев, Н.А. Бердяев, называл их политическую программу «этатическим утопизмом». За стройными идейными конструкциями лидеров евразийства проницательный философ разглядел опасность вырождения их идеологии в тоталитарную программу, созданную особым типом мышления, которое «будет подчинять личность коллективу и не очень будет склонно вводить момент нравственной оценки в политику» [Мир России, 1995, с. 330].

Что касается П.Б. Струве, то его попытка согласовать на одной идейной платформе принципы либерализма и консерватизма в целом оказалась неудачной. Сочетать государственный патернализм и полную свободу действий индивида в гражданском обществе можно лишь в теории. В действительности же противоречия и конфликты между властью и обществом неизбежны, и они могут лишь в той или иной степени регулироваться эффективными институтами народного представительства. П.Б. Струве не скрывал ситуативного, вынужденного характера своего обращения к консерватизму: «поскольку крушение монархии для русских означало крушение и самой России, многие образованные русские ... стали монархистами из русского патриотизма» [Струве, 1999, с. 262].

После революции 1917 г. перед консерваторами по-новому встал вопрос о социальной базе представительства. Дворянство фактически сошло с исторической сцены и в случае падения большевизма не могло играть роль ведущей социально-политической силы. К тому же у идеологов уже не вызывала сомнений необходимость развития политической культуры и правосознания в массах.

Поскольку сословный и имущественный цензы отступали на второй план, консерваторы в эмиграции выдвигали предложения о создании «трудовой аристократии» (И.А. Ильин), введение «правлящего отбора» (евразийцы). Оставаясь верными принципам социальной иерархии, консервативные авторы продолжали утверждать, что «править должны лучшие». Но в новых условиях изменился критерий отбора «лучших». Им был уже не сословный или имущественный ценз, а, так сказать, ценз моральный. Социальную базу представительных учреждений теперь предлагалось формировать из лучших (по моральным, интеллектуальным, профессиональным качествам) граж-

дан, независимо от их социальной принадлежности.

При обосновании своих взглядов на проблему создания социальной базы народного представительства в постбольшевистской России И.А. Ильин использовал понятие «ранг». Он выделял «две стороны идеи ранга». Первый аспект – это «действительный ранг», т.е. совокупность моральных и интеллектуальных качеств личности. Второй аспект «ранга» – это социальный статус человека, т.е. «его полномочия, права и обязанности, которые признаются за ним со стороны общества или государства» [Ильин, 2007, с. 406]. Ильин сожалел, что в большинстве случаев оба аспекта ранга не соответствуют друг другу: талантливые и ответственные люди оказываются на нижних ступенях социальной лестницы, а откровенные проходимцы занимают высокие посты. Чем больше случаев несоответствия духовного и социального аспектов «рангов», тем в большей опасности находится социальный организм, тем меньше шансов у данного строя на поступательное развитие [Ильин, 2007, с. 408].

Идея «ранга», выдвинутая И.А. Ильиным, как нельзя лучше характеризует консервативный тезис о необходимости иерархического построения общества. Иерархия, в которой более высокое социальное положение должны занимать более способные и ответственные люди, по утверждению консерваторов, есть залог социального порядка и справедливого общественного устройства. Социальный статус человека должен определяться уровнем его морального и интеллектуального развития.

«Идея ранга» стала выражением консервативной программы И.А. Ильина, касающейся социальной и политической стратификации.

В представлениях консерваторов иерархически устроенный мировой порядок предполагал социальное и политическое неравенство людей. Правящий класс, вбирая в себя лучших представителей нации, завершает социальную пирамиду. Кроме этого, принудительное равенство ликвидирует индивидуальные особенности людей и превращает общество в массу безликих индивидов, не способных к творческому развитию. Уравнивание тем самым оборачивается социальной стагнацией. Неравенство же есть необходимое условие развития общества. По мнению Д.И. Шаронова, удержание максимально высокого ранга личностных качеств персонала, распределяемого по управленческим позициям, И.А. Ильин прямо связывал с открытостью каналов и достаточной интенсивностью вертикальной мобильности в обществе [Шаронов, 1994, с. 66].

Конечно, предложение формировать представительство из лучших с моральной точки зрения граждан обладает изрядной долей утопизма, который, вероятно, следует объяснять, присущим отечественному консерватизму на всех этапах его развития стремлением оценивать социально-политические процессы сквозь призму религиозных и нравственных принципов. Повышенное внимание к вопросам нравственности, являясь безусловным достоинством отечественной консервативной мысли, вместе с тем чаще оставляло идеологов в рамках социально-политической утопии, мало применимой к конкретным историческим условиям.

Однако возникает вопрос, кого именно хотели видеть консерваторы-эмигранты в качестве нового правящего класса? Вероятно, они стремились опереться на патриотические, антикоммунистические силы как в эмиграции, так и в СССР. Но раскол эмигрантских кругов для консерваторов был очевиден, а ставка на антибольшевистские группы в СССР грозила обернуться очередной гражданской войной. При этом ни И.А. Ильин, ни евразийцы не скрывали своей убеждённости в том, что постсоветская Россия должна быть очищена от прокоммунистических элементов.

И.А. Ильин, в частности, предполагал, что в переходный период после свержения большевизма в России должна быть установлена «твёрдая национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к самоуправлению и к организованному участию в государственном строительстве» [Ильин, 2007, с. 200]. Только такая диктатура была способна в переходный период спасти Россию от анархии и гражданской войны и заложить основы политического строя «органической демократии». Однако в работах консерватора ничего не говорится о том, кто будет входить в эту «национальную диктатуру». Хотя не секрет, что И.А. Ильин хорошо представлял себе состояние белой эмиграции к середине XX века, для которой, по его же словам, были характерны «малодушие и усталость, продажность, кичливость и спесь, идейный разброд и многочисленные склоки по пустяшным поводам» [Ильин, 2000, с. 103].

На первом этапе становления «органической демократии» национальная диктатура организу-

ет отбор лучших представителей нации в ряды правящей элиты. На втором этапе новая элита начинает процесс создания политического строя «органической демократии». При введении избирательного права на первом этапе будет целесообразно, считал И.А. Ильин, прибегнуть к системе имущественного и образовательного цензов, а также «ценза оседлости». В процессе формирования элиты это должно обеспечить «необходимый минимум почвенности, честности и государственного смысла». На первом этапе большинство граждан будет лишено избирательного права. Тем не менее Ильин писал о необходимости постепенного расширения круга граждан, обладающих правом голоса, но расширение избирательного права должно идти параллельно с процессами совершенствования образования и политической культуры граждан, воспитания правосознания, роста материального благосостояния и повышения качества жизни широких слоёв населения.

До проведения выборов в новые органы власти, по мысли И.А. Ильина, временной «национальной диктатурой» должен быть проведён «генеральный всенародный перебор граждан» [Ильин, 2007, с. 246]. На местах, в городах и сельской местности, должны составляться списки граждан, которые будут лишены избирательных прав навсегда или на срок от 20 до 30 лет. К ним Ильин относил прежде всего членов Коммунистической партии. В последнюю категорию попадали уголовные преступники, «террористы, спекулянты, лица порочных профессий».

Составление подобных списков должно было проводиться по всей стране на основании специального закона, принимаемого «национальной диктатурой» минимум за год до голосования по спискам. Определение «неблагонадёжных» должно происходить на местных выборах – по волостям и городским кварталам. И.А. Ильин писал, что «голосованию подлежит всякий, против которого подано пять отводящих записок без подписи, но с указанием основания для отвода». Отведённый имеет право возразить, но его возражение не обсуждается. Вопрос о лишении человека избирательного права решается простым большинством голосов при закрытом голосовании, в котором участвуют все допущенные к голосованию граждане данной местности. Кроме этого, И.А. Ильин отмечал, что в случае, если «неудобные элементы» не отведены, то жалобу в вышестоящие инстанции подаёт «участковый начальник». Получается, что этот человек самолично решает, кто в его волости «неудобный элемент», а кто «ценный». Но кто же сможет поручиться за честность этого человека, кто контролирует его деятельность, кто и на каких основаниях назначает его на должность. Все эти вопросы консервативный идеолог оставил без ответа.

На втором этапе, после выявления «неблагонадёжных граждан», составляются списки «благонадёжных избирателей». Голосования по этим спискам также проходят в самых малых административно-территориальных единицах – волостях и городских округах.

Следует отметить, что предложения И.А. Ильина по организации процесса формирования новой политической элиты в постсоветский период полны противоречий и вызывают серьёзные замечания. Так, проведение «всенародного перебора граждан», разделяющего общество на лояльных и неудобных новой власти людей, неизбежно обернулось бы на местах молекулярной гражданской войной. В голосовании за списки «неудобных элементов», а также за списки кандидатов в органы новой власти в полной мере проявились бы личные обиды, семейные конфликты, имущественные, сословные, национальные, конфессиональные и другие противоречия. Исторический опыт России 1930-х гг. показывает, что при проведении подобных мероприятий по разделению народа на «своих» и «чужих» доноительство и репрессии приобретают грандиозный масштаб.

Судя по всему, ради достижения своих идеалов консерваторы были готовы использовать любые средства. Кроме того, они утверждали, что членами новых представительных учреждений могут быть только сторонники правящей партии, к которой переходила власть в постсоветской России. Они также обязаны разделять обязательную для всех государственную идеологию⁵. Н.С. Трубецкой полагал, что в постсоветской России многопартийность может иметь место, но партии должны будут отличаться друг от друга не тем, за какую социальную группу они выступают, а тем, как они понимают и какими средствами хотят отстаивать общенациональные интересы.

Таким образом, места для политического плюрализма в проектах консерваторов не оставалось. Более того, мнения сторонников советского строя вовсе не принимались во внимание.

На этом фоне более компромиссными выглядели предложения П.Б. Струве. Он считал, что процесс создания системы государственного управления в постсоветской России должны начать патриотически настроенные круги эмиграции, особенно те их представители, кто героически противостоял большевикам в годы Гражданской войны. Вводится всеобщее избирательное право, но

депутатами могут становиться только граждане, обладающие хотя бы минимальным имущественным и образовательным цензами. Формируется многопартийная система. В случае, если большевики объявят всеобщую амнистию для эмигрантов, они могут на равных с другими политическими силами основаниях участвовать в политическом процессе [Струве, 2004, с. 371].

И всё же процесс создания новых представительных органов в постсоветской России идеологи эмигрантского консерватизма представляли себе только в самых общих чертах. Их конкретные предложения по формированию социальной базы представительства, в лучшем случае, спорны, утопичны, в худшем – при реализации могли привести к новой гражданской войне.

Консерваторы-эмигранты продолжали оставаться сторонниками сословно-корпоративной модели представительства. По словам ведущего философа евразийства Л.П. Карсавина, «государство имеет свой последний упор не на индивидуума, а на ближайшую к нему первичную социальную группу» [Мир России, 1995, с. 132]. Евразийцы, развивая подходы дореволюционных авторов, считали, что депутаты на местах должны избираться не на общегражданской или партийной основе, а от социальных групп, профессиональных объединений, национальных и конфессиональных общностей. Кандидатуры депутатов на местах выдвигают сельские сходы, коллективы предприятий, объединения научной и художественной интеллигенции и т.д. [Трубецкой, 2007, с. 583].

Консерваторы-эмигранты, как и некоторые авторы начала XX в. (Л.А. Тихомиров, С.Ф. Ша-рапов), предполагали, что особый характер взаимосвязи институтов государства и общества должен обеспечиваться через сословно-профессиональный принцип организации выборных органов. Через корпоративное представительство на местах общество приводилось бы в организованное состояние и формировало специальные органы контроля и управления всех уровней – от волостного до общероссийского.

В эмиграции разделились мнения консерваторов по вопросу об участии интеллигенции в работе представительных органов. И.А. Ильин скептически относился к данной возможности, указывая на такие особенности российской интеллигенции, как оторванность от народа и оппозиционность любой власти [Ильин, 2001, с. 343]. А вот П.Б. Струве и евразийцы призывали интеллигенцию в новых условиях преодолеть оппозиционный настрой по отношению к государству. Национальная интеллигенция, подчёркивали они, должна стать частью правящей элиты, которая возглавит процесс национально ориентированной модернизации. Что касается вопроса о всеобщем избирательном праве, то на немедленном его введении в постсоветской России настаивали евразийцы и П.Б. Струве. И.А. Ильин же полагал, что на первом этапе создания новой системы представительства будет целесообразно прибегнуть к имущественному и образовательному цензам, а также к «цензу оседлости». При этом консерватор писал о необходимости постепенного расширения круга граждан, обладающих правом голоса, но расширение избирательного права должно идти параллельно с процессами совершенствования образования и политической культуры, воспитания правосознания граждан.

Таким образом, в идеологии эмигрантского консерватизма в отличие от взглядов дореволюционных консерваторов цензовость как необходимый принцип выборов в органы народного представительства отходила на второй план. В новых условиях консерваторы говорили уже не столько о неподготовленности общества к введению народовластия, сколько о необходимости преодоления политической индифферентности масс, не предлагая, однако, конкретных мер достижения этого.

Новые исторические условия и советский опыт регулирования межнациональных отношений обусловили эволюцию подходов консерваторов-эмигрантов к проблеме уравнивания политических прав народов России. И.А. Ильин и П.Б. Струве считали, что вовлечение отдельных народов в систему народного представительства и государственного управления должно происходить по мере развития их политической культуры. Евразийцы пошли ещё дальше, обосновывая необходимость обеспечения в системе государственного управления представительства интересов народов «России-Евразии» как равноправных с русскими субъектов исторического процесса. Однако главным принципом организации представительных органов всех уровней должен был остаться сословно-профессиональный. Абсолютизация национального и конфессионального принципов представительства, по верному замечанию евразийцев, могла стать предпосылкой усиления центробежных стремлений народов России и спровоцировать их на создание собственной государственности вне рамок общероссийской [Мир России, 1995, с. 174].

Кардинальное отличие проектов народного представительства консерваторов-эмигрантов от

планов дореволюционных авторов заключается в статусе представительных учреждений. В период существования монархии органам народного представительства в любой форме (Земский собор, земство, Дума) предписывалось играть роль послушных проводников правительственных инициатив. В проектах консерваторов пореволюционной эмиграции народное представительство – это уже не столько институт местного самоуправления, сколько многоуровневая система представительной власти, выполняющая функции государственного управления.

Примечательной особенностью проектов эмигрантов является то, что вертикаль представительных учреждений начинает создаваться непосредственно с уровня народной среды – нижних административных уровней – уровня волостей и городских кварталов. Считалось, что это необходимо для того, чтобы граждане голосовали за действительно честных и способных кандидатов, которых они хорошо знают. А многоступенчатость процесса формирования уровней властной пирамиды (от волостного до общероссийского) уменьшала возможность проникновения во власть недостойных людей. Центральный представительный орган должен формироваться не путем прямых всенародных выборов, а из представителей губернских «парламентов». Те же состоят из депутатов от уездных представительных собраний. Уездное представительство объединяло депутатов от волостей и городских кварталов [Ильин, 2007, с. 333].

Принцип многоступенчатого формирования центрального представительства, однако, не поддерживал П.Б. Струве, считая, что только прямые выборы отражают действительное волеизъявление граждан [Политическая история, 1999, с. 576].

Представители пореволюционной консервативной мысли утверждали, что для России оптимальным будет вариант, когда сильная власть центра сочетается с широким самоуправлением на местах. Так, И.А. Ильин утверждал, что конституция постбольшевистской России должна обеспечить совмещение преимуществ авторитарного строя с преимуществами демократии, «устраняя опасности первого и недостатки второй». Тем самым взаимопроникновение институтов государства и общества должно предполагать создание такой системы органов государственной власти, когда каждый уровень властной вертикали (волостной, уездный, губернский) наделяется значительными полномочиями. При этом обязательным условием устойчивости политической системы должна являться строгая иерархия и соподчинённость нижнего уровня верхнему.

Стараясь корректировать либеральные принципы заимствованиями из идейного арсенала консерватизма, П.Б. Струве утверждал, что в России, «имевшей огромный запас консерватизма», конституционализм и парламентаризм должны иметь противовес в лице сильной центральной власти. В «лучших традициях» российского консерватизма изобличая пороки либеральной демократии, П.Б. Струве рассчитывал, что издержки партийно-парламентского представительства будут компенсироваться не только сильным центром, но и самостоятельностью низовых звеньев представительства (на уровне волости, уезда, города), напрямую не связанных с общероссийским парламентом.

Что касается вопроса о конкретной форме правления в посткоммунистической России, то П.Б. Струве и И.А. Ильин считали, что её должно определить всенародно избранное учредительное собрание. Евразийцы же представили самостоятельные проекты высших органов власти. Однако по данному вопросу в стане евразийцев возникли некоторые разногласия.

Вариант П.Н. Савицкого, например, предусматривал порядок, при котором главой государства должен стать «государственный старшина», избираемый на три года на Всероссийском съезде окружных депутатов, где каждый округ (аналог уезда) должен быть представлен одним голосом. Сам съезд также избирался на три года и выполнял скорее учредительные функции, определяя лишь общие принципы государственной политики. Конкретная законодательная работа возлагалась на однопалатный Верховный Союзный совет, состоящий на паритетных началах как из депутатов Всероссийского съезда (членов Евразийской партии), так и из беспартийных представителей общественных, научных, профессиональных организаций. Постоянным органом Верховного Союзного совета, собирающегося на сессии раз в три года, должен был стать Центральный исполком. Исполнительную власть, подотчётную Центральному исполкому, возглавляли государственный старшина и назначаемые им министры [Евразийская хроника, 1935, с. 10–11].

Более прагматичен, на наш взгляд, проект Н.Н. Алексева, во многом совпадающий с положениями Конституции СССР 1936 г. Он считал излишним предполагаемый проектом П.Н. Савицкого «декоративный» Всероссийский съезд окружных депутатов. Во главе представительных

учреждений и всей системы управления должен встать Верховный совет, состоящий из трёх палат:

- Союзного совета, в который входят по одному представителю от всех округов (уездов) страны;
- Совета национальностей, куда входят представители всех этнических групп России на равных основаниях;
- экспертного совета, состоящего из профессионалов-управленцев, разрабатывающих конкретные проекты развития всех сфер общественной жизни.

В проекте Н.Н. Алексеева государственный старшина заменяется Президиумом Верховного совета, который наделяется «правом последних решений» [Алексеев, 1936, с. 29].

Принцип народовластия консерваторы-эмигранты предлагали реализовать через предоставление нижним (волость) и средним (уезд, город) уровням представительства значительных полномочий. Логическое завершение данное предложение получило в трудах евразийцев. Они считали, что территориально-административной единицей России должен стать город с прилегающей территорией – «округ». «Округ» должен был представлять собой центр, в котором бы выполнялись основные функции государственного управления. Именно на этом уровне, считали авторы, население может наиболее эффективно влиять на власть. Государство должно было стать своеобразным союзом «округов». Предполагалось, что ряд «округов» образуют области (края), которые должны формироваться по экономическим, культурным, национальным признакам. Функции управления этими областями должны обеспечиваться лицами, делегированными окружными государственными структурами. Эти лица образуют областные (краевые) «совещания», компетенция которых ниже окружного (уездного) представительства. В результате обеспечивалось сосредоточение государственного управления в «округах» (уездах), даже в ущерб полномочиям вышестоящей, областной, власти. Подобным способом евразийцы стремились приблизить представительную власть к народу. Высшим органом «округа» предполагалось сделать окружной съезд, делегаты которого избирались бы ежегодно на альтернативной основе. Окружной съезд избирал председателя исполнительного органа – окружной управы, при которой создавались департаменты по различным вопросам управления. Они составляли своеобразное «правительство» округа–уезда, наделённое значительными полномочиями и по ряду важных вопросов управления не подотчётное вышестоящим, областным, органам власти.

Таким образом, специфика органов народного представительства в работах идеологов эмигрантского консерватизма заключалась в том, что они являлись одновременно и государственными учреждениями, и институтами местного самоуправления, так как их состав избирался всенародно. Тем самым институты государства и общества, отвечающие за управление и контроль, объединялись в одну систему. Органы власти становились продолжением социальной структуры. Государство и общество как бы сливались, теряя институциональные различия.

Вместе с тем ряд основных положений рассмотренных проектов народного представительства обладает присущими отечественной консервативной доктрине чертами социально-политической утопии. К ним следует отнести

- уверенность в отсутствии антагонизма между государственными органами и общественными институтами, неизбежного даже в условиях широкого народовластия;
- расчёт на то, что можно бесконфликтно заставить жить многонациональный народ в рамках одной общеобязательной государственной идеологии, в основу которой положено православие;
- план создания политической элиты из высокоморальных личностей, верных национальным интересам России;
- убеждённость в успехе реализации принципов народовластия в обществе с очень низким уровнем политической культуры и глубоко укоренившимися патерналистскими настроениями.

В результате эмигрантский консерватизм, несмотря на значительные внутренние трансформации, остался так же далёк от социально-политической практики, как и его предшественник в царской России.

Подводя итог анализу взглядов консерваторов пореволюционной эмиграции на проблему народного представительства, необходимо отметить следующее.

Крушение российской монархии заставило идеологов по-новому взглянуть на проблему отношений государства и общества. Если до революции идейные поиски велись в направлении согласования интересов самодержавия и народного представительства, то в новых условиях на первый

план выходила задача восстановления российской государственности. Теперь общество должно было не приспособливаться к власти, а само под руководством политической элиты создавать новую систему управления государством. Впервые в работах отечественных консерваторов было заявлено, что общество (народ) должно стать субъектом исторического развития. Задача формирования институтов народного представительства, способных реализовать принцип широкого народовластия, ставилась в качестве первоочередной после ожидаемого падения большевизма. Однако, осознавая неподготовленность широких народных масс к участию в политической жизни страны, консерваторы настаивали на сохранении тотального контроля власти над обществом.

В эмиграции были полностью утрачены надежды на восстановление статуса дворянского сословия как политической элиты страны. Склонные к созданию социально-политических утопий, консерваторы заявляли, что теперь отбор граждан в органы народовластия должен был осуществляться на основе оценки их моральных и интеллектуальных качеств. При этом, чтобы открыть дорогу во власть наиболее достойным, следовало фактически устранить правящую в стране партию большевиков. Ни раскол эмигрантских кругов, ни значительная народная поддержка советской власти в стране не представляли для консерваторов серьёзных затруднений в реализации их проектов идеального общественного устройства. Игнорирование конкретной исторической ситуации делало предложения идеологов несостоятельными, далёкими от социально-политической практики.

Сословно-корпоративный принцип формирования представительных учреждений по-прежнему выступал альтернативой партийно-парламентскому представительству в странах либеральной демократии.

В новых условиях значительные изменения претерпел подход консерваторов к решению национального вопроса. Эмигранты признали необходимость уравнивания политических прав всех народов России, однако подвергали сомнению практику большевиков по предоставлению государственности населению национальных окраин бывшей Российской империи.

По-новому идеологи отечественного консерватизма определяли особенности институциональной организации органов народовластия. Представительные учреждения теперь не должны были находиться «при власти» и становились органами государственного управления. Соотнося некоторые свои предложения с происходящими в СССР социально-политическими процессами, представители эмигрантского консерватизма рассматривали механизм формирования органов народовластия как процесс выстраивания стройной вертикали государственных структур, через которые должно было обеспечиваться тесное взаимодействие власти и общества.

В результате, проекты создания народного представительства в работах консерваторов-эмигрантов предполагали достижение институционального единства государства и общества. С одной стороны, поскольку общество само формировало органы представительной власти, политическое руководство всех уровней властной вертикали становилось как бы продолжением общества в практической сфере государственного управления. Осуществление народовластия придавало государственным органам характер институтов общественного самоуправления. С другой стороны, неизбежно возникающая отдалённость правящего класса от широких слоёв населения должна была сопровождаться обязательным для народных избранников выдвиганием требования защиты общенациональных интересов и условия верности национальной идее. Таким образом, «физически» (вследствие постоянного пополнения выходцами из народа) являясь частью нации, депутаты представительных органов через «идею-правительницу» приобретали и идейную связь с обществом, сливались с ним через общность мировоззрения.

Вместе с тем сам факт пребывания у власти в России принципиальных противников консерваторов – коммунистов-большевиков – многократно усиливал свойственное консерватизму неприятие статус-кво. Проекты «либерального консерватизма» П.Б. Струве, «органической демократии» И.А. Ильина, «демотического государства» евразийцев, оценки идеологами эмигрантского консерватизма политики большевиков и советской модели представительства подтверждали фатальную неспособность отечественных консерваторов действовать в рамках далёкой от их идеалов реальности. Принять действительность означало для них отказаться от своих идеалов. Верность догмам обрекала консерватизм на пребывание в мире социально-политической утопии.

Примечания

¹ Исключением в этом отношении следует считать «черносотенные» круги, идеология которых в эмиграции занимала скорее маргинальное положение (несмотря на большое количество монархических ор-

ганизаций и кружков) и для изучения эволюции отечественной консервативной мысли интереса не представляет. Подробнее о взглядах монархистов [Омельченко, 1996].

² Попытка определённых кругов пореволюционной эмиграции выработать либерально-консервативную платформу выразилась в создании в 1925 г. газеты «Возрождение». П.Б. Струве определил её программу как либерально-консервативную и провозгласил, что «либерализм означает вечную правду человеческой свободы, консерватизм обозначает великую жизненную правду охранительных государственных начал, без которых государства вообще не стоят, без действия которых не было бы и никогда вновь не будет Великой России» [Пономарева, 2004, с. 68–69].

³ Если сравнивать взгляды П.Б. Струве с концепциями идеологов дореволюционной России, то его подход имеет гораздо больше общего с умеренным либерализмом Б.Н. Чичерина, чем с умеренным консерватизмом Л.А. Тихомирова (до 1906 г.), хотя и тот и другой утверждали, что государство должно быть органичным продолжением социума. Водораздел же между двумя направлениями (консервативным либерализмом и либеральным консерватизмом) проходит по линии решения вопроса о типе социальной организации. Если консерваторы утверждали, что государство должно быть элементом сословно-корпоративной модели социума, то либералы настаивали на приоритете гражданского общества из свободных индивидов, чей сословно-профессиональный статус играет гораздо меньшую роль.

⁴ Так, И.А. Ильин, выделяя пять необходимых условий «творческой демократии» (умение людей ценить свободу и использовать её во благо себе и общества, высокий уровень правосознания граждан, рост благосостояния широких слоёв населения, достаточный уровень образования, «политический опыт» граждан), отмечал, что на их создание после свержения большевиков понадобится несколько десятилетий [Ильин, 2007, с. 177–184].

⁵ В проектах И.А. Ильина и евразийцев государственная идеология являлась выражением национальной идеи, понимаемой как стремление реализовать в социальной практике ценностные установки христианства (И.А.Ильин) либо как план создания евразийской империи (евразийцы).

Библиографический список

- Алексеев Н.Н.* Куда идти? К вопросу о новой советской конституции. Берлин, 1936. 38 с.
- Алексеев Н.Н.* Современное положение науки о государстве и её ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / сост. А.Г. Дугин. М.: Аграф, 1998. С. 386–624.
- Астафичев П.А.* Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 58 с.
- Антоненко Н.В.* Идеология и программа монархического движения русской эмиграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 31 с.
- Атмачев С.И.* Сущность и организация верховной власти в консервативной мысли русской эмиграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1999. 35 с.
- Базанов П.Н.* Монархические организации в эмиграции (1918–1920) // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX века): матер. науч. конф., 8–10 дек. 2003 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 321–329.
- Глухарева А.К.* Конституционные основы народного представительства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.
- Евразийская хроника. 1935. Вып. 11.
- Жданова Г. В.* Проблемы общества и коммуникации в учении евразийства // Вопр. философии. 2009. № 2. С. 30–38.
- Ильин И.А.* Основы христианской культуры. М., 2007.
- Ильин И.А.* О воспитании национальной элиты / сост. Ю.Т. Лисица. М.: Жизнь и мысль, 2001. 512 с.
- Ильин И.А., Шмелёв И.С.* Переписка двух Иванов / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 576 с.
- Ильин И.А.* Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1999. 512 с.
- Ильин И.А.* Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. 396с.
- Ильин И.А.* Национальная Россия: Наши задачи / под ред. О.А. Платонова. М.: Алгоритм, 2007. 464 с.
- Кржегов В. С.* Социально-политическая концепция евразийства и проблема поиска надежных основ интеграции общества // Вестник Московского университета. 2005. № 4. С.76–101.
- Масленникова С.В.* Народное представительство и права граждан в Российской Федерации. М.:

- ООО «Городец-Издат», 2001. 172 с.
- Мир России – Евразия: антология/ сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. 461с.
- Омельченко Н.А.* В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья. СПб.: РГХИ, 1996. 569 с.
- Палкин А.Г.* Концепция государства в учении евразийцев: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 196 с.
- Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. М.: Альфа-М, 2003. 367 с.
- Петр Бернгардович Струве и современная Россия: науч. конф. 19-20 ноября 1992 г. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1992. 354 с.
- Политическая история русской эмиграции. 1920–1940-е гг.: док. и матер. / под ред. А.Ф. Киселёва. М.: Гуманит. изд. центр, 1999. 634 с.
- Пономарева М.А.* П.Б. Струве в эмиграции: Развитие концепции либерального консерватизма: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004. 214 с.
- Проблемы народного представительства в Российской Федерации / под ред. проф. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 1998. 180 с.;
- Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия / под ред. А.В. Иванченко. М., 2003. 377 с.
- Струве П.Б.* Дневник политика (1925-1935). М.: Русский путь, 2004. 869 с.
- Струве П.Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. 526 с.
- Струве П.Б.* Избранные сочинения. М., 1999. 724 с.
- Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана/ сост. А.Г. Дугин. М.: Эксмо, 2007. 736с.
- Шаронов Д.И.* Концепция органической демократии И.А. Ильина // Вестник Московского университета. Сер. 12. Соц.-полит. исследования. 1994. № 1. С. 56–62.
- Шамшурин В. И. Консерватизм о человеке и свободе // Человек. 2003. №1. С. 76–87.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.10.2012

IN SEARCH FOR THE OPTIMAL MODEL OF PEOPLE'S REPRESENTATION IN POST-REVOLUTIONARY CONSERVATIVE THOUGHT OF RUSSIAN EMIGRATION

K. N. Tarasov

Vyatka State University, Moskovskaya st., 76, 610000, Kirov, Russia
tar-87@mail.ru

The article examines the views of leading representatives of emigrant conservatism (I.A. Ilyin, P.B. Struve, the Eurasians) concerning the problem of formation of people's representation institutions in Russia. The author shows the influence of the revolutionary events of 1917 and of political practice of Soviet Russia to the evolution of the socio-political doctrine of Russian conservatism.

Key words: conservatism, people's representation, democracy, power and society, post-revolutionary emigration.

References

- Alekseev N. N.* Kuda idti? K voprosu o novej sovetskoj konstitutsii. Berlin, 1936. 38 s.
- Alekseev N. N.* Sovremennoe polozhenie nauki o gosudarstve i ee blizhajshie zadachi // Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo / sost. A.G. Dugin. M.: Agraf, 1998. S. 386–624.
- Astafichev P. A.* Narodnoe predstavitel'stvo v sovremennoj Rossii: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2006. 58 s.
- Antonenko N. V.* Ideologiya i programma monarkhicheskogo dvizheniya russkoj emigratsii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2005. 31 s.
- Atmachev S. I.* Sushchnost' i organizatsiya verkhovnoj vlasti v konservativnoj mysli russkoj emigratsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 1999. 35 s.
- Bazanov P. N.* Monarkhicheskie organizatsii v emigratsii (1918-1920) // Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii (XVI – nachalo XX veka): mat. nauch. konf., 8-10 dek. 2003. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. S. 312–329.
- Glukhareva A. K.* Konstitutsionnye osnovy narodnogo predstavitel'stva v Rossijskoj Federatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. 28 s.

- Evrazijskaya khronika. 1935. Vyp. 11.
- Zhdanova G. V.* Problemy obshchestva i kommunikatsii v uchenii evraziystva // *Voprosy filosofii*. 2009. № 2. S. 30-38.
- Il'in I. A.* Osnovy khristianskoj kul'tury. M., 2007.
- Il'in I. A.* O vospitanii natsional'noj elity / sost. Yu.T. Lisitsa. M.: Zhizn' i mysl', 2001. 512 s.
- Il'in I. A.* Shmelev I.S. Perepiska dvukh Ivanov / sost. i komment. Yu.T. Lisitsy. M.: Russkaya kni-ga, 2000. 576 s.
- Il'in I. A.* Sobranie sochinenij: Pis'ma. Memuary (1939-1954) / sost. i komment. Yu.T. Lisitsy. M.: Russkaya kniga, 1999. 512 s.
- Il'in I. A.* Sobranie sochinenij: Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty (1903-1938). M.: Russkaya kniga, 1999. 396 s.
- Il'in I. A.* Natsional'naya Rossiya: Nashi zadachi / pod red. O.A. Platonova. M.: Algoritm, 2007. 464 s.
- Krzhevov V. S.* Sotsial'no-politicheskaya kontseptsiya evraziystva i problema poiska nadezhnykh osnov integratsii obshchestva // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2005. № 4. S. 76-101.
- Maslennikova S. V.* Narodnoe predstavitel'stvo i prava grazhdan v Rossijskoj Federatsii. M.: OOO «Gorodets-Izdat», 2001. 172 s.
- Mir Rossii – Evraziya: Antologiya/ sost. L.I. Novikova, I.N. Sizemskaya. M.: Vysshaya shkola, 1995. 461 s.
- Omel'chenko N. A.* V poiskakh Rossii. Obshchestvenno-politicheskaya mysl' russkogo zarubezh'ya. SPb.: RGKHI, 1996. 569 s.
- Palkin A. G.* Kontseptsiya gosudarstva v uchenii evraziystsev: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2009. 196 s.
- Pashchenko V. Ya.* Sotsial'naya filosofiya evraziystva. M.: Al'fa-M, 2003. 367 s.
- Petr Bergardovich Struve i sovremennaya Rossiya: nauch. konf., 19-20 noyabrya 1992 g. SPb.: Izd-vo SPbGTU, 1992. 354 s.
- Politicheskaya istoriya russkoj emigratsii. 1920-1940-e gg. Dok. i mater. / pod red. A.F. Kiseleva. M.: Gumanit. izd. tsentr, 1999. 634 s.
- Ponomareva M. A.* P.B. Struve v emigratsii: Razvitie kontseptsii liberal'nogo konservatizma: dis. ... kand. ist. nauk. Rostov n/D, 2004. 214 s.
- Problemy narodnogo predstavitel'stva v Rossijskoj Federatsii / pod red. prof. S.A. Avak'yana. M.: Izd-vo MGU, 1998. 180 s.
- Rossijskoe narodovlastie: razvitie, sovremennye tendentsii i protivorechiya / pod red. A.V. Ivanchenko. M.: Fond «Liberal'naya missiya», 2003. 377 s.
- Struve P. B.* Dnevnik politika (1925-1935). M.: Russkij put', 2004. 869 s.
- Struve P. B.* Patriotica: Politika, kul'tura, religiya, sotsializm. M.: Respublika, 1997. 526 s.
- Struve P. B.* Izbrannye sochineniya. M., 1999. 724 s.
- Trubetskoj N. S.* Nasledie Chingiskhana/ sost. A.G. Dugin. M.: Eksmo, 2007. 736 s.
- Sharonov D. I.* Kontseptsiya organicheskoi demokratii I.A. Il'ina // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 12. Sots.-polit. issledovaniya. 1994. № 1. S. 56-62.
- Shamshurin V. I.* Konservatizm o cheloveke i svobode // *Chelovek*. 2003. №1. S. 76-87.